

Устойчивые сравнения с компонентом-ориентализмом – этносимволом Украины

И. В. КУЗНЕЦОВА*

Кафедра педагогики и методики начального образования, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, ул. К. Маркса, д. 38, RU-428000 Чебоксары

Received: 15 March 2020 • Accepted: 10 May 2020

© 2021 Akadémiai Kiadó, Budapest

АННОТАЦИЯ

Неоспоримым является тот факт, что в результате многовековых исторических, культурных и соседских контактов в языки славян в довольно большом количестве проникали ориентализмы – слова, принадлежащие к разным группам тюркских, а также иранских и арабо-семитских языков. Они прочно закрепились в лексическом составе славянских языков как в своем исконном значении (соответствующем языку-оригиналу), так и в переосмысленном, по-новому интерпретированном на славянской почве. Этой теме посвящено немало лингвистических и культурологических работ. Украинский язык в этом плане не исключение.

Историческая лексикология изучает причины, время и пути проникновения и адаптации ориентальной лексики в украинском языке. Заимствования из ориентальных языков составляют значительный пласт украинской лексики. Судьба заимствований различна: они либо остались в языке-реципиенте экзотизмами, либо в результате экстралингвистических факторов усвоились им настолько, что стали символами национальной культуры. Показательна в этом плане, например, судьба ориентализмов *лелека* ‘аист’, *кобза* и *сурма* в Украине. Одна из частотных ассоциаций с этой страной – образ запорожского казака в широченных шароварах с неотъемлемым атрибутом – табакеркой.

Цель настоящего исследования – выявление семантико-функциональных особенностей ориентализмов в украинских устойчивых сравнениях. В данной статье на примере этих лексических единиц рассматривается фразеообразующий потенциал и семантико-функциональные особенности

* Corresponding author. E-mail: irinak47@yandex.ru

этих заимствований-ориентализмов, ассоциирующихся с Украиной, в составе сравнительных конструкций. Анализируются как устаревшие устойчивые сравнения, так и активно употребляющиеся в наши дни. Приводятся возможные культурологические и историко-этимологические комментарии к устойчивым сравнениям, толкуется значение компаративных оборотов и компонентов, входящих в них.

Исследование показало, что рассмотренные ориентализмы настолько прочно вошли в фонд украинского языка, что давно не воспринимаются в языке-реципиенте как чужеродный элемент, напротив, они стали этносимволами в украинской лингвокультуре, продуктивными в словообразовательном плане (это осталось за рамками статьи), функционируют в устойчивых сравнениях, в том числе образно-поэтических. Однако этномаркированность, видимо, и наложила ограничения на их фразеологический потенциал: по сравнению с ориентализмами, не ставшими маркерами украинской культуры (*барабан, базар, кавун, казан* и пр.), они фразеологически менее активны, не частотны в составе украинских устойчивых сравнений в качестве эталона, мерила действия, качества и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

языковые контакты, ориентализмы, заимствование, адаптация, украинский язык, национальные символы, фразеология, устойчивые сравнения, образ сравнения

Закономерное следствие культурных и языковых контактов славянского и ориентального (восточного) мира – взаимообогащение их словами из всех сфер жизни: материальной и духовной культуры, политики, науки и т. д., поэтому «нет и не может быть ни одного чистого несмешанного языкового целого» (Бодуэн де Куртене 1963: 140). История украинского народа – не исключение, она тоже тесно связана с судьбами народов Востока; итог этнокультурных связей – ориентализмы, заимствованные украинским языком непосредственно и опосредованно и в той или иной мере освоенная им. К *ориентализмам* относятся лексемы, принадлежащие разным языкам, заимствованные в основном из алтайской группы тюркских, а также иранских и арабо-семитских языков, с которыми праориентальный язык вступил в контакт еще до 922 г.

Исследование лексики восточного происхождения в украинистике разнопланово. Анализируются лексико-семантические группы тюркизмов (Халимоненко 1995, Масенко 1972), заимствования конкретного периода (Ковалів 1964), влияние на украинский лексический фонд языков авар, булгар, угров, печенегов, половцев, татар с указанием, от кого и в какие периоды своего развития украинский язык почерпнул наибольшее количество ориентализмов (Данилюк 2011), прошедших все этапы освоения (фонетическое, семантическое, морфологическое).

Судьба заимствований в языках-реципиентах сложилась по-разному: они остались экзотизмами или полностью усвоились, имея словообразовательные дериваты в заимствующих языках. Некоторые ориентальные лексемы настолько укоренились, что «в результате переосмысления и экстралингвистических факторов приобрели новый концептуальный смысл, став символами самобытной культуры отдельных славянских народов» (Хмелевский 2018: 118); показательна в этом плане судьба ориентализмов *лелека, кобза* и *сурма* в Украине. Цель нашей статьи – рассмотреть фразеолообразующий потенциал и

семантико-функціональні особливості деяких заїмствованій-орієнталізмів, асоціюючихся з Україною, в складі порівняльних конструкцій, які вивчені в основному з словарей стійких порівнянь української мови та Інтернет; основний метод обробки фразеологічного матеріалу – синхронно-описальний.

Орнітоном тюркського походження *лелека* відомий східно- та південнослов'янським мовам: рос. *леклек* 'білий цапля, *Ardea alba*, також 'аист', укр. *лелека* 'аист', болг. *лелек*, сербохорв. *лелек*. Через тур., азерб., крым.-тат. *läiläk* 'аист', крым.-тат. *lägläk* (ФАСМЕР 2: 478); в сербський та хорватський мови персизм *лејлек* (*лелек*), *lejlek* (*lelek*) ввійшов через турецький: «tur. *leylek* < pers. *leklek* (u ar. також *läqläq*)» (ШКАПІС 1966: 433). Але тільки в українській культурі слово стало еталоном образно-поетичних порівнянь, що ілюструють строки: «Облітав сердега море й землі, як лелека» (Макаровський М. Наталя або дві доли разом, 1848); «Ніч і тільки зорі за вікном, / Ніч, усе поспуло тихим сном... / Тільки сон мій так далеко / Відлетів, немов лелека...»;¹ «Ти відправилась у тишу, наче лагідна лелека. / Ти не бійся, моя пташко, ти поспи – я біля тебе» (Аннич О. Колискова для донечки «Лелека»);² «Дитинство, мов лелека, десь відліта далеко» (Юрківський Ю. Летять лелеки);³ «Моя ріднесенько село, / Я за тобою так сумую. [...] Я, мов лелека, в снах своїх / Літаю над тобою» (Огренич Р. Ф. Моя село, 2009); «Де б я не був, а все ж думками лечу в Донеччину свою. Лечу, неначе та лелека, дивлюсь радісно кругом і шахту згадую далеко, де працював я юнаком»;⁴ «Ми збережемо свою Батьківщину, / Наче лелека під вірним крилом / Ми відбудуємо сильну країну / З тими, кому зараз не все одно!» (Панасюк Х. Нас не зламає холодна байдужість);⁵ «Моя душа немов лелека / Моя зоря така далеко / А в синім морі гуляє доля / Чому без неї така неволя?» (Шпак М. Лелеки);⁶ «Сумно, мов я в чорну хмару ввійшла, я сумую мов лелека» (SAVCHENKO–KHMELEVSKIY 2017: 56); «Я дуже сумую, жаданий без тебе. [...] Я на тебе коханий чекаю. / Де ти? Кличу, мов біла лелека. / Загубилась у мріях, блукаю...» (Калинина-Харламова Л. Дуже скучила).⁷

Можно помітити, що тексти відображають стереотипні уявлення українців про аїста як символу странствий, любові до отчуженої країни, рідної землі, материнської любові, пам'яті серця, жіночої туги-смути без коханої, тоски. Приведемо обширну цитату, ілюструючу символіку пернатого в Україні: «[...] ми творимо загадку про людину і кажемо: „Облітав, мов лелека, усі моря і землі“, – відгадкою такої загадки-порівняння є не ти сама уся, а людина, що виїжджала у пошуках щастя у далекий край, людина, що повернулася, не знайшовши щастя в далекому краї [...] ми творимо загадку про людину і кажемо: „Стоїть, мов лелека, й крила опустив“, – відгадкою такої загадки-порівняння є не ти сама уся, а парубок, який ніяк не знайде собі пари, щоб одружитися, у кого одруження стоїть на одному місці, як ти, біла лелеко, стоїш на своєму гнізді...» (Голобородько В. Біла лелека).⁸ У всіх слов'ян щасливою приметою вважається гніздо аїста на даху, що відображено в укр. *Де лелека водиться, там щастя родиться*. Резюмуючи, приведемо слова М. С. Хмелевського:

¹ <http://tekstovnet.ru/17/Sofiya-Terletska/tekst-pesni-tilki-son-miy-tak-daleko-vidletiv-nemov-leleka>

² <http://ukrainska-psnya-leleka.brend27.ru/>

³ <https://rus-songs.ru/tekst-pesni-ju-jurkivskij-letjat-leleki-perevod/>

⁴ https://galya.ru/catd_new_page.php?id=5160132

⁵ <https://www.pisni.org.ua/songs/4291583.html>

⁶ <https://x-minus.me/track/4768/лелеки>

⁷ <https://stihi.ru/2014/07/20/931>

⁸ <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=13781>

«Аист (лелека) на Украине считается священной птицей, оберегающей домашний очаг и приносящей семейное счастье и благополучие. [...] Концептуальное переосмысление это заимствование приобрело именно в украинской культуре и украинском менталитете, где оно обросло особой символикой, приметами, легендами» (ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: 120), стало образно-поэтическим сравнением. Лексема настолько вошла в украинский язык, что употребляется для толкования малопонятных слов, например, лемк. *быцок, боцан* ‘лелека’ (ВАРХОЛ–ІВЧЕНКО 1990: 152). Тем не менее данное название птицы не стало фразеологически значимым эталоном устойчивого сравнения, характеризующегося воспроизводимостью и являющегося единицей языка как системы (в отличие, например, от лексемы *бусел*, ставшей образом сравнений во многих фразеологизмах). Словарную «прописку» получили лишь три сравнения: *говорить як лелека жабу ковтає* ‘некрасиво’ (ДОВРОЛЬОЖА 2020: 121); *ишия як у лелеки* (ДОВРОЛЬОЖА 1997: 37); *ноги як у лелеки* (ДОВРОЛЬОЖА 1997: 38), ср. также со строками: «У нього ноги, як у лелеки. Худі, довгі, з довгими ступнями. [...] Андрій водить блакитними очима за нянею. І повільно випростовує худі, як у лелеки, довгі ноги».⁹

Другое слово, значимое для украинской лингвокультуры и имеющее ориентальные корни, – *козак* < тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат. *kazak* ‘свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга’ (ФАСМЕР 2: 158). Изначально так называли вольных людей из селян и городской бедноты, бежавших на южные земли в низовья Днестра и боровшихся против татаро-турецких и польских захватчиков, представителей Запорожской Сечи – запорожцев. Компаративизм *як козак в Лузі* (НОМИС 1993: 581) с семантикой ‘быть в своей тарелке, чувствовать себя как рыба в воде, как дома’ мотивирован исторически: [Великий] Луг – название низинной местности на левом берегу Днестра ниже острова Хортица, который был центром Запорожской Сечи; на территории Великого Луга и по соседству с ним располагалась Сечь; на Казатчине – это символ безопасности и воли, от чего края. Образ фразеологизма построен на том, что отсюда запорожцы делали набеги на прикордонные татарские и польские села и городки, а потом возвращались назад, в родную Сечь, и чувствовали себя здесь комфортно среди своих. Сечь для казаков – это символ матери, которая приглубит, а Луг – отца, который защитит: *Січ мати, а Великий Луг батько; Наш Луг батько, а Січ мати, – одде треба помірати* (НОМИС 1993: 74). Осознать образность компаративизма поможет произведение Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Казаки считались отважными воинами, про их походы на татар слагались легенды и песни, что, видимо, дало жизнь фразеологизму *готов як козак до війни* ‘всегда готов’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 72).

Слово зафиксировано в таких сравнениях, как *як з москаля*¹⁰ *козак* ‘никудышний, никакой’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 96); *вискочив як голий козак з маку*; *вискочив (вихопився) як козак з маку* ‘неожиданно сказал глупость, совершил неразумный поступок’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 72); *вискочив як козак з конопель* (з маку, із гречки) – ‘неуместность’; ‘сказал глупость’ (ДОВРОЛЬОЖА 2020: 23); *зживе як на козаку* ‘быстро, бесследно заживет’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 72, ДОВРОЛЬОЖА 2003: 50); *впертий як козак* ‘очень упрямый’ (ДОВРОЛЬОЖА 2003: 50), а производное от него – в компаративизме *довга як миля козацька* ‘очень длинная, бесконечная’ (ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993: 92).

⁹ <http://catholicnews.org.ua/andriy-z-nogami-yak-u-leleki>

¹⁰ *Москаль* – 1. ‘великоросс’; 2. ‘солдат’ (СУМ 2: 447).

Образ запорожского казака ассоциируется с *шароварами*; укр. *шаравари*.¹¹ Через тюрк. посредство заимств. из ир. **šaravāra*- ‘штаны’ (**šcaravāra*-), нов.-перс. *šālvār* – то же, откуда и греч. *σαράβαρα*, *σαράβαλλα* ‘штаны’, ср.-лат. *saraballa* (ФАСМЕР 4: 410). Персидский прототип отражен в устаревшей книжной форме *шальвары*. При заимствовании значение слова сузилось: это часть украинского народного мужского костюма (у народов Востока это элемент также и женской одежды). И, хотя шаровары – это часть национальной одежды разных восточных народов, «только на Украине они сегодня выступают в качестве национального этносимвола и отражателя украинской самобытной культуры», причем «не всей географической территории Украины, а только Поднепровья, где находились административные и военные центры украинского казачества – Сечи (для Западной Украины это уже не является этносимволом)» (ХМЕЛЕВСКИЙ 2018: 119). В настоящее время в украинской массовой культуре слово и сам предмет одежды особо актуализировались.

Особенность казацких шаровар – их ширина: «арабський мандрівник Ібн-Даст (Хет) [...] писав: „Штани носять широкі – сто ліктів матерії йде на кожні“» (ЖАЙВОРОНОК 2006: 648), ср. с описанием этих штанов особенного кроя у Н. В. Гоголя в повести «Тарас Бульба»: «шаровари, як Чорне море завширшки, з силою складок і зборок, обперезані золотим очкуром». ¹² В школьных викторинах на Украине частотен вопрос: «Про яку деталь козацького вбрання казали: широкі, як Чорне море?». Этот отличительный признак фасона лег в основу сравнения *шаровари, мов Чорне море*.¹³ Шаровары в роли объекта сравнения мы видим в строках: «А потом – сапоги. Чоботи. Гарни, смажени. Жовты або червони. Тай шаровари. Блакитни, як Чорне Море, так такий же широченни» (brave-friar.livejournal.com/370665.html); «Аж раптом, на п'ятому курсі приснився мені чудернацький сон, начебто усміхнена Олеся прийшла до мене на побачення з червоними атласними шароварами, широкими, як Чорне море, і подарувала їх мені» (Шейко-Медведева Н. Містика сновидінь. Практичний сонник, 2018), в которых подчеркивается также и цвет шаровар запорожских казаков – синий и красный. Поэтому о румянном человеке в Черняховском районе Житомирщины говорят: *червоний як шаровари на козакові* (ДОВБОЛЬОЖА 2003: 93–94).

Неотъемлемым атрибутом запорожского казака была *люлька*¹⁴ – короткая курительная трубка: *Козак без люльки, як без коня*. На многих портретах, рисунках (на коне в походе, рядом с кобзой) казаки изображены с нею. Запорожцы считали люльку душою казака, своеобразным талисманом и берегли ее: гоголевский Тарас Бульба погиб лишь потому, что не захотел оставлять ее на поле боя. Не случайно люлька стала этносимволом Украины и образом таких выражений, как *Без люльки, як без жінки*; *За люльку й батька б проміняв*; *Покуримо люльки, щоб дома не журилися*; *Люлька не куриця, мабуть дівчина журиця* и др. (НОМИС 1993: 74), однако в устойчивых сравнениях это слово не встречается.

¹¹ Таковую же орфографию лексемы в украинском языке мы видим в словаре Б. Д. Гринченко (СУМ 4: 485).

¹² *Очкур* (рус., бел. *учкур* < крым.-тат., тур. *ıckır*) – ‘пояс (ремешок, шнурок), стягивающий шаровары’; слово встречается в сравнении *потрібний (потрібне, треба) як очкур на шию* ‘абсолютно не нужен’, связанном с украинским народным поверьем о способе обезвреживания ведьмы: очкур из новых, еще не надеванных шаровар «надо освятить вместе с пасохой во время светлой заутрени», а затем, подкараулив ведьму в нечистом месте – хлеву, накинуть ей на шею очкур и крепко держать, не обращая внимания на все ее превращения (ОРЛОВ 1992: 119).

¹³ <http://abetka.ukrlife.org/obrazno.htm>

¹⁴ Из тур., азерб. *lülə* ‘трубка, труба’ (ФАСМЕР 2: 546).

Не частотен в качестве образа сравнения и курительный табак – *тютюн* < тур., чагат., крым.-тат., кыпч. *tütün* (ФАСМЕР 4: 138): *розуму як у (в) дурня тютюну* ‘о неумном человеке’ (Добролюбожа 2003: 15, Добролюбожа 2020: 18); *мне як баба вовну або Семен тютюн* ‘о человеке, который очень медленно что-либо делает’ (Юрченко–Івченко 1993: 10). Настоящий табак был очень дорогим, и казаки сеяли махорочные сорта самосада (чаще «дюбек» и «самсон»), имеющие резкий, неприятный запах и вкус, что «аж горло дере». Это обстоятельство легло в основу устойчивого сравнения *різкий як тютюн* ‘о сварливом человеке’ (Добролюбожа 2003: 39). Технология приготовления тютюна была простой: высушивали листья табака и, чтобы отбить махорочный привкус, добавляли душистые травы (полынь, мяту, чабрец, валериану и др.) по вкусу. Довольно часто в курительную смесь добавляли сушеный донник лекарственный (другие названия – желтый донник, буркун желтый, молья трава, липка), ярко-желтые цветки которого имеют душисто-цветочный, сладкий и более сильный аромат, чем свежескошенная трава; рыжий цвет смеси обусловил появление компаративизма *рудий як тютюн* (Алфифренко 1978), который мы видим в строках М. Стельмаха: «В досвідченого підполковника іронічно зібралися складки навколо рудих, як тютюн, очей і повеселіло кавуноподібне, завжди насурмонене обличчя».

Название струнного щипкового музыкального инструмента *кобза* было заимствовано запорожскими казаками у тюрков, ср. тур. *кориз* ‘разновидность гитары, арфы’, тат. *kıbyz* ‘скрипка’ (ФАСМЕР 2: 268). Как видим, инструменты не имеют ничего общего, кроме названий. Со временем инструмент типа лютни с короткой шейкой стал «одним из символов украинской самобытной народной культуры. [...] Образ кобзы и кобзаря [...] увековечил и сделал узнаваемым символом Украины далеко за ее пределами [...] Т. Г. Шевченко в своем поэтическом сборнике „Кобзарь“» (Хмелевский 2018: 120). Эталоном сравнения слово выступает в фразеологизме *попав наче сліпий кобзу* ‘случайно наткнулся на что-нибудь’ (Номис 1993: 203) и в выражении *На речах – наче (як) на кобзі* (Номис 1993: 165, СУМ 2: 259, Юрченко–Івченко 1993: 138), образованном по той же структурно-семантической модели, что и *На словах, як на цимбалах*; *На словах, як на варганах, а на ділі, як на балабайці* (Номис 1993: 165); *На словах, як на гусях* (Добролюбожа 2003: 67), в которой варьируются образные конкретизаторы – наименования музыкальных инструментов. Ср. с рус. *на словах как на гусях* ‘о человеке, который бойко, ловко и слащаво говорит, но в делах ненадежен’ (Мокиенко–Никитина 2008: 158); *на словах [–] что (как) на гусях, а на деле [–] что (как) на балалайке* (Даль 1: 1013, Михельсон 1: 618); *на словах как на органах, а на деле – пустая волюнка* ‘о человеке, который легко обещает, но редко и с трудом выполняет обещанное’ (РНПП 1958: 52); брянск. *на словах как на варганах* ‘о человеке, не способном ни на какие дела, кроме разговора’; кубан. *как на варганах (цымбяхах) [играть]* – 1. ‘о человеке, который умеет свободно, гладко говорить’; 2. ‘об очень болтливом, любящем поговорить, болтающем вздор человеке’ (где *варганы* – 1. ‘народный язычковый музыкальный инструмент, на котором играют губами, род губной гармоник’; 2. *орган* – ср. чеш. и др. зап.-слав. *varhany*; *цимбалы* – ‘струнный музыкальный инструмент, состоящий из деревянного ящика в виде трапеции с металлическими струнами, по которым при игре ударяют палочками или колотушками’) (Мокиенко–Никитина 2008: 83, 734).

Заимствованием ориентального происхождения является и украинское слово *сурма* (< тур. *zurna*, *surnāy* < перс. *sūrna*, *sūrna* ‘вид восточного музыкального духового инструмента, зурна’) – ‘духовой музыкальный инструмент в виде тонкой длинной деревянной трубки с продольным цилиндрическим каналом с игровыми отверстиями’, ко-

торый использовали в основном как сигнальный; «різновид козацької дерев'яної труби» (ЖАЙВОРОНОК 2006: 587): *Сурма – один із видів козацької дерев'яної труби; Козацькі сурми грали до бою* (СУМ АН 9: 854). Лексема известна русскому языку как *зурна*¹⁵ свирель, напоминающая по звуку гобой, или *сурна* (ФАСМЕР 4: 108) – «[тюрк.], перс. музыкальная трубка, дуда, оглушительно резкого звука» (ДАЛЬ 4: 640). В Белоруссии о капризном, обиженном человеке говорят: *надзьмуцца як сурма* (где *сурма* – 'відаць, сурна або зурна, усходні духавы музычны інструмент тыпу флейты') (СБНП 2011: 415).

«Довольно часто звуки сурны можно было услышать во время проведения свадебного обряда. Однако основным применением сурны по праву следует считать ее использование в ратном деле. В седой древности сурна, сопровождаемая звучанием ударных инструментов, поднимала боевой дух Русского воинства и обращала в бегство толпы инородцев-захватчиков». ¹⁶ Звук сурны, очень пронзительный и сильный, дал жизнь украинским компаративизмам [*голос*] *дзвенить мов сурма* (АЛЕФИРЕНКО 1978); *гремить мов сувору сурма* (Косач Ю. Золоті Ворота, 1966). Диминутивное название этого инструмента зафиксировано в сравнительных конструкциях *голос як сурмонька* (УНПП 1955: 153) и *голос, як сурмонька, т'але ж чортова думонька* (НОМИС 1993: 165). Лексема встречается также и в индивидуально-авторских сравнениях: «Сліпили очі мідні коновки, довгі, як сурми, на плечах суворих сільських татар, що грубим, сердитим голосом, немов дрова рубали, хвалили своє молоко» (Коцюбинський М. Під мінаретами, 1904).

Анализ показал, что рассмотренные ориентализмы прочно вошли в фонд украинского языка и давно не воспринимаются в языке-реципиенте как чужеродный элемент, напротив, они стали этносимволами в украинской лингвокультуре, продуктивны в словообразовательном плане (это осталось за рамками статьи), функционируют в устойчивых сравнениях. Однако этномаркированность, видимо, и наложила ограничения на их фразеологический потенциал: по сравнению с ориентализмами, не ставшими маркерами украинской культуры (*барабан, базар, кавун, казан* и пр.), они фразеологически менее активны, не частотны в составе устойчивых сравнений в качестве эталона, мерила действия, качества и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕФИРЕНКО 1978 = АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Структурно-семантический анализ компаративных фразеологизмов современного украинского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1978.
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ 1963 = БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. Москва: «Издательство АН СССР», 1963.
- ВАРХОЛ-ІВЧЕНКО 1990 = ВАРХОЛ Н., ІВЧЕНКО А. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Пряшев: «Відділ української літератури», 1990.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва: «Прогресс», 1994.
- ДАНИЛЮК 2011 = ДАНИЛЮК Н. М. Орієнталізми в українській мові. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2011. № 2. Ч. 2. 408–412.

¹⁵ Слово известно в такой форме русским говорам Азербайджана, обозначая восточный духовой инструмент (дудка с пищиком). Азерб. *зурна* (СРОГА 2006).

¹⁶ <https://www.slavyarmarka.ru/tv-surna>

- ДОБРЮЛОВА 1997 = ДОБРЮЛОВА Г. М. *Ідеографічний словник поліських народних порівнянь з компаративними об'єктами – назвами тварин*. Київ: «Волинь», 1997.
- ДОБРЮЛОВА 2003 = ДОБРЮЛОВА Г. *Красне слово – як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій*. Житомир: «Волинь», 2003.
- ДОБРЮЛОВА 2020 = ДОБРЮЛОВА Г. *Етноконцептний словник постійних народних порівнянь поліських і суміжних говірок*. Житомир, 2020.
- ЖАЙВОРОНОК 2006 = ЖАЙВОРОНОК В. В. *Знаки української етнокультури. Словник-довідник*. Київ: «Довіра», 2006.
- КОВАЛІВ 1964 = КОВАЛІВ П. *Лексичний фонд літературної мови Київського періоду Х–ХІV ст. Запозичення*. Т. 2. Нью-Йорк: «Наукове товариство ім. Т. Шевченка», 1964.
- МАСЕНКО 1972 = МАСЕНКО Л. Т. *З гідронімії тюркського походження басейну Південного Бугу. Структурні рівні мови і методи їх дослідження*. Київ: «Наукова думка», 1972. 139–142.
- МИХЕЛЬСОН = МИХЕЛЬСОН М. И. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии*. Т. 1–2. Москва: «Терра», 1994.
- МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2008 = МОКИЕНКО В. М., НИКИТИНА Т. Г. *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- НОМИС 1993 = НОМИС М. (ред.) *Українські приказки, прислів'я і таке інше*. Київ: «Либідь», 1993.
- ОРЛОВ 1992 = ОРЛОВ М. А. *История сношений человека с дьяволом*. Москва: «Республика», 1992.
- РНПП 1958 = *Русские народные пословицы и поговорки*. Сост. А. Жигулев. Москва: «Московский рабочий», 1958.
- СБНП 2011 = *Слоўнік беларускіх народных параўнанняў*. Мінск: «Беларуская навука», 2011.
- СРОГА 2006 = ГУЛИВА Л. Г. и др. *Словарь русского островного говора Азербайджана*. Изд. 2-е, доп. Баку: «Издательство Бакинского ГУ», 2006.
- СУМ = *Словарь української мови*. Т. 1–4. Упор. Борис Грінченко. Київ, 1907–1909.
- СУМ АН = *Словарь української мови*. Т. 1–11. Інститут мовознавства АН УРСР. За ред. І. К. Білодіда. Київ: «Наукова думка», 1970–1980.
- УНПП 1955 = *Українські народні прислів'я та приказки*. Київ: «Видавництво Академії наук Української РСР», 1955.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: «Прогресс», 1986–1987.
- ХАЛИМОНЕНКО 1995 = ХАЛИМОНЕНКО Г. І. *Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови*. Ч. 2. *Лексика вівчарства*. Київ: Київський університет, 1995.
- ХМЕЛЕВСКИЙ 2018 = ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. *Концептуальное переосмысление тюркизмов, ставших национальными символами славянских народов*. В кн.: *Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации*. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2018. 118–124.
- ЮРЧЕНКО–ІВЧЕНКО 1993 = ЮРЧЕНКО О. С., ІВЧЕНКО А. О. *Словник стійких народних порівнянь*. Харків: «Основа», 1993.
- SAVCHENKO–KHMELEVSKIY 2017 = SAVCHENKO A., KHMELEVSKIY M. «Над кем смеетесь?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Черногуза «Аристократ из Вапнярки»). *Językoznawstwo* 11 (2017): 53–66.
- ŠKALJIC 1966 = ŠKALJIC A. *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svjetlost, 1966.

IRINA VLADIMIROVNA KUZNETSOVA

Department of Pedagogy and Methodology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
(Cheboksary)**Stable Comparisons with Oriental Components – Ethnic Symbols of Ukraine**

It is an undeniable fact that as a result of centuries of historical, cultural, and neighbourly contacts, Orientalisms penetrated the languages of the Slavs in quite large numbers. They are firmly fixed in the lexical structure of Slavic languages both in their original meaning (corresponding to the original language) and in a sense reinterpreted on Slavic soil. Numerous linguistic and culturological works are devoted to this topic. The Ukrainian language is no exception in this regard.

Historical lexicology studies the causes, time, and ways of penetration and adaptation of Orientalisms in the Ukrainian language. Borrowings from Oriental languages make up a significant layer of the Ukrainian vocabulary. The fate of borrowings varies: they either remained exoticisms in the recipient language or as a result of extralinguistic factors, they were assimilated so much that they became symbols of national culture. For example, the fate of Orientalisms *leleka* 'stork', *kobza*, and *surma* in Ukraine is indicative in this regard. One of the frequent associations with the country is the image of Zaporozhian Cossacks in wide bloomers with an integral attribute – tobacco.

The purpose of this study is to identify the semantic and functional peculiarities of the Ukrainian Orientalisms in comparison. In this paper, using the example of these lexical units, we consider the phrase-making potential as well as the semantic and functional features of these borrowed Orientalisms associated with Ukraine, as part of comparative constructions. The paper deals with both outdated similes and those that are actively used nowadays. In addition to this, the author gives possible culturological, historical, and etymological comments to similes, showing the meaning of phraseological units and components that are parts of similes.

The study demonstrates that the analyzed Orientalisms have been so firmly established in the foundation of the Ukrainian language that they are not perceived in the recipient language as foreign elements. On the contrary, they have become ethnic symbols in Ukrainian linguistic culture, they are productive in derivational terms (the paper does not deal with this question), and operate in stable comparisons, including imagery and poetry. However, their ethnosymbolic features, apparently, have imposed restrictions on their phraseological potential: in comparison with Orientalisms that have not become markers of Ukrainian culture (*baraban*, *bazar*, *kavun*, *kazan*, etc.), they are phraseologically less active, not frequent as part of stable comparisons referring to a standard, measure of action, quality, etc.

Keywords: language contacts, Oriental loanwords, adaptation, Ukrainian language, national symbols, phraseology, stable comparisons, the basis of comparison

